

Asya Qui

ИЗМЕНА

ОДИН ДЕНЬ

МИСТИЧЕСКИЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Asya Qui

Измена. Один день

<https://litres.ru/74206629>

Аннотация

Он откладывает блокнот. Делает шаг ко мне. Расстояние сокращается до неприличного. Я должна отступить, но тело будто прибили к полу гвоздями.

— Посмотрите на меня, — просит он.

Поднимаю взгляд.

Его глаза близко. Слишком близко.

И тут меня несет. Я не контролирую свой рот. Слова вылетают быстрее, чем мозг успевает их отфильтровать.

— Я красивая?

Тишина. Слышно только, как дождь бьет в стекло за его спиной.

Максим замирает. Мышцы на его челюсти каменеют. Он смотрит на мое лицо, на губы, на глаза. Дыхание у него становится тяжелым.

Медленно, будто борясь с самим собой, он поднимает руку. Его длинные пальцы касаются моего виска. Убирают за ухо выбившуюся прядь. Кожу в месте прикосновения прошивает током.

— Очень красивая, — его большой палец скользит по моей скуле, обжигая. — Ты всегда была красивой.

Воздух застревает в легких.

Ты. Всегда. Была.

— Что вы сказали? — шепчу одними губами.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3.	15
Глава 4.	20
Глава 5.	26
Глава 6.	31
Глава 7.	37
Глава 8.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1.

Вибрация бьет по матрасу прямо в мозг. Нащупываю телефон под подушкой, шурюсь на экран. 6:30. Хочется швырнуть этот кусок пластика в стену. Вместо этого смахиваю будильник, чтобы не разбудить Андрея. Будто его вообще можно разбудить. Он спит на самом краю своей половины, отвернувшись к стене. Между нами можно припарковать малолитражку. Смешно. Когда-то мы не могли уснуть, если не касались друг друга хотя бы ногой. Сейчас нас будто расталкивает невидимым магнитом.

Тихо сползаю с кровати. Пол — ледяной ад. Октябрь выдался промозглым, но мой муж считает, что включать теплые полы — это неоправданное транжирство. Счета же придут. Ага, при его-то бонусах. Проще натянуть шерстяные носки, чем заводить эту шарманку про бюджет с самого утра.

В ванной щелкаю выключателем. Свет режет по глазам. Опираюсь руками о раковину, смотрю в зеркало. М-да. На полке выстроились в ряд баночки. Беру ту, что за пять косарей. На этикетке обещают сияние, упругость и чуть ли не вторую девственность. Когда-то я в голос ржала над девчонками, которые скупали эти чудо-эликсиры. Теперь сама мажу эту липкую дрянь под глаза. Толку ноль. Мелкая сетка морщин никуда не делась, только тени стали глубже. Замазываю консилером.

На кухне щелкаю кнопкой чайника. Пока вода закипает, открываю соцсети. Лента буквально блюет чужим счастьем. Машка жметя к мужу на фоне какого-то итальянского палаццо, Катька выложила фотки с годовщины. Охапки роз, шампанское, хештеги про любовь до гроба.

Интересно, они реально так кайфуют, или просто отрабатывают картинку для подписоты? Катька сто пудов бесится, когда ее благоверный разбрасывает носки, а Машку тошнит от его дебильных шуточек. Но в сети все святые. Как и мы с Андреем. Идеальная пара.

Достаю кофемолку. Жму на кнопку. Резкий гул перекрывает шум воды из ванной. Проснулся, значит.

Раньше я бы бросила все, скользнула к нему в кабинку. Обняла бы со спины под горячими струями...

Шаги по коридору. Появляется. Выбрит, белая рубашка выглажена, галстук небрежно висит на шее. Помню время, когда я учила его завязывать этот чертов узел, а он лез целоваться, путался в ткани и шептал, что я потрясающая.

Сейчас он даже глаза не поднимает.

— Утро, — бросает в пространство.

Ставлю перед ним тарелку.

— Спасибо.

Он падает на стул и тут же втыкается в телефон. Большой палец скроллит экран с бешеной скоростью. Почта, мессенджеры, новости. Иногда мне кажется, что если я сейчас сниму трусы и сяду ему на лицо, он просто попросит сдвинуть-

сы, чтобы не загораживать.

Сажусь напротив. Размешиваю сахар.

— Выспался? — выдавливаю из себя. Надо же как-то симулировать наличие брака.

— Нормально, — он даже не отрывает взгляд от экрана.

— Лег поздно.

— Может, возьмешь выходной? — отпиваю кофе. — Ты на прошлых выходных тоже с ноутбуком в обнимку спал. Отключишь телефон, выдохнешь.

Он морщится. Наконец-то поднимает на меня глаза — взгляд стеклянный, мыслями он вообще не здесь.

— Алиса, некогда. Сдача через две недели. У меня проект горит. Кто за меня это сделает?

Снова в телефон. Разговор окончен.

Тишина. Только его челюсти работают, уничтожая мой идеальный омлет. Мой телефон на столе коротко вибрирует — напоминание.

— Я сегодня задержусь, — говорю, глядя в свою чашку.

— Презентация. Клиент душный, ошибку не простит.

— Я тоже поздно буду.

И всё. Ни вопроса "что за клиент", ни "удачи на презентации". Ему абсолютно похрен. Раньше он выпрашивал каждую деталь, гордился мной. Куда это все испарилось?

Отношу посуду в раковину. Включаю горячую воду, чтобы смыть остатки еды. Слышу возню в прихожей — Андрей натягивает ботинки, шуршит курткой.

— Ну, я пошел.

Хлопок входной двери. Тишина бьет по барабанным перепонкам.

Семь тридцать. Пора. Иду в спальню, вытягиваю с вешалки черное платье-футляр. Жесткая ткань, строгий крой. Моя персональная броня. Лодочки на шпильке. В зеркале прихожей делаю контрольный осмотр: укладка, стрелки, осанка. Картинка — топ. А внутри... внутри вакуум. Черная дыра.

Надо бы сесть и поговорить. Задать прямой вопрос: какого хрена мы превратились в соседей? Но когда? Вечером он придет, уткнется в ноут, а мне надо готовить отчеты. У нас даже на ссору нет времени в расписании. Жесть.

Выхожу из подъезда. Октябрьский ветер тут же бьет наотмашь, леденит ноги сквозь тонкие колготки. Иду к машине, стуча каблуками по стылому асфальту. Впереди целый день расчетов и фальшивых улыбок. А вечером — опять пустая кухня, остывший ужин и пара дежурных фраз перед сном.

Три года назад я была уверена, что он — любовь всей моей жизни. А по факту оказался просто сожителем, с которым мы делим ипотеку.

Глава 2.

Цифры в экселевской таблице сливаются в серую кашу. Час? Два? Сколько я уже пялюсь в этот чертов монитор? Смета, прогноз, риски. Пятнадцатый раз перепроверяю формулы. Клиент — душный ублюдок, найдет лишнюю запятую и разнесет весь контракт. А контракт — это мой бонус. И, возможно, повышение.

Желудок сводит спазмом. Блин, я же так и не позавтракала. Телефон показывает 15:10. День просто стерся.

На экране всплывает уведомление. Марина. «Зайди ко мне».

Внутри все обрывается. Что не так? Нашла ошибку в презентации? Одергиваю юбку, которая неприятно прилипла к бедрам, и иду к угловому кабинету. У Марины панорамные окна и кожаное кресло, в котором она восседает, как императрица.

— Садись, — она кивает на стул напротив, даже не подняв глаз от планшета.

Сглатываю вязкую слюну. Три месяца я горбатилась над этим проектом. Ночевала тут. Если мы слетели...

— Проблемы с договором?

Она наконец смотрит на меня. Усмехается. Сеточка морщин у глаз становится глубже. Не одна я старею.

— Выдохни, Алиса. Убери это лицо мученицы. Их фин-

дир застрял в Пулково. Нелетная погода. Встречу сдвинули на завтра.

Шумно выдыхаю. Твою мать. Просто перенос.

— Окей. Тогда я сейчас еще раз прогоню слайды и...

— Нет, — Марина рубит воздух ладонью. — Берешь вещи и уходишь домой. Ты зеленая. Я видела твою презентацию, она вылизана до идеала. Мне завтра нужен живой сотрудник, а не зомби на кофеине. Свободна.

Возвращаюсь к столу на автомате. Закрываю вкладки, скидываю ноут в сумку. 15:20. Станный вакуум в голове.

А может, это шанс? Нормальный вечер.

В лифте достаю помаду. В зеркале отражается бледная моль с синяками под глазами. Размазываю красный пигмент по губам. Уже лучше.

Холод «Азбуки Вкуса» бьет по лицу. Стою в винном отделе, пялюсь на полки. Что он там пьет? Primitivo. Ага, вот оно. Беру тяжелую бутылку с темным стеклом.

Кидаю в корзину сыр с голубой плесенью. Свежий багет. Креветки, томаты, базилик. Сделаю пасту. Он когда-то говорил, что моя паста круче, чем в итальянских ресторанах. Когда он вообще это говорил? Года два назад? Кажется, на прошлую годовщину мы ужинали при свечах. Он подарил мне серьги, которые я так ни разу и не надела.

На улице ветер тут же портит укладку. Пакет оттягивает руку. Достаю телефон — сообщение от Андрея. «Ты в офисе еще?»

Не буду портить сюрприз. «Да. Закопалась в сметах».

Ответ прилетает моментально: «У меня совещание затягивается. Не жди, буду поздно. Ложись без меня».

Палец висит над клавиатурой. Обида, липкая и детская, царапает горло. Хочется написать «Ок», но я просто блокирую экран. Зачем я накупила столько? Ладно. Брошу в холодильник. Может, надену то черное белье с кружевом? Лежит с биркой уже месяц.

Ключ проворачивается в замке без звука. Скидываю проклятые лодочки, пятки горят огнем.

И тут я слышу.

Звук не из телевизора. Глухой стон. Вдох. Шорох простыней. Из нашей спальни.

Ноги прирастают к полу. Кровь мгновенно отливает от лица. Сердце начинает долбить прямо в горле.

Пакет выскальзывает из ослабевших пальцев. Бутылка бьется о плитку с оглушительным треском. Темно-красная жидкость с осколками брызгает на мои светлые колготки, ползет по затирке. Пахнет кислым виноградом и спиртом.

Там, в спальне, ничего не стихает. Они даже не услышали грохота.

Пазл в голове складывается за долю секунды. Поздние совещания. Измененный пароль на айфоне. Командировки в выходные. Какая же я тупая.

Делаю четыре шага по коридору. Дверь приоткрыта.

Толкаю её. В нос бьет тошнотворный сладкий запах чужих

духов. На моей кровати. На МОИХ, сука, серых простынях. Девница. Блондинка. Лет двадцать, не больше. Раскинулась на моей подушке. Ярко-розовые ногти впиваются в спину Андрея.

— А, так вот какой проект у тебя горит.

Они замирают. Девчонка взвизгивает, дергает на себя одеяло, пряча грудь. Андрей оборачивается. Лицо вытягивается, глаза по пять копеек.

— Алиса! — он рывком садится, судорожно натягивая на себя край простыни. — Блядь, ты какого хрена тут делаешь?! Ты же в офисе!

Серьезно? Это его главная претензия?

— Я тут вообще-то живу, — киваю в сторону коридора. — Хотела сюрприз сделать. Пасту приготовить. Твое любимое вино купила. Оно теперь на полу в прихожей. Можешь пойти слизать.

Он бледнеет. Рот открывается и закрывается, как у выброшенной на берег рыбы. Девчонка рядом с ним лихорадочно шарит по полу, выискивая свои шмотки. Розовые стринги, джинсы. Ей реально лет двадцать. Она хоть понимает, что спит с мужиком, у которого скоро кризис среднего возраста?

— Алис, подожди, это... это вообще не то, что ты думаешь, — он наконец выдавливает из себя эту жалкую, заезженную фразу.

— Да? — усмехаюсь. Иду к шкафу, достаю спортивную сумку. — А что я должна думать? Что ты поскользнулся и

случайно упал членом в нее?

— Я тебе все объясню! Дай мне минуту! — он пытается встать, но путается в простыне.

— Не напрягайся, Андрей. Оставь дыхание для нее. Разворачиваюсь и выхожу.

— Алиса, стой! — он догоняет меня в коридоре, хватается за локоть. Пальцы горячие, потные.

Дергаю руку на себя так резко, что он отшатывается.

— Не трогай меня. Только что эти руки были на ней. Меня сейчас стошнит.

— Это ошибка! Я запутался, клянусь! Она ничего не значит!

— Запутался? — смех получается лающим. — Запутался в ее трусах? Да пошел ты.

Хватаю ключи от машины и сумку. Выскакиваю в подъезд.

В лифте достаю телефон. Руки бьет мелкая дрожь, не попадаю по иконке вызова. Гудки.

— Кать, привет, — говорю, как только подруга берет трубку.

— Алис? Что за голос? Случилось что?

— Я к тебе приеду. Можно?

— Да, конечно. Жду.

Сбрасываю. На экране уже висят три сообщения от Андрея. «Прости». «Давай поговорим». «Умоляю, возьми трубку».

Мудак.

Запрыгиваю в Мазду. Втыкаю ключ в зажигание. Мотор ревет. Выезжаю со двора на проспект. Вокруг обычный вечер. Светофор мигает желтым. Люди на остановке жмутся от холода. Мужчины, женщины. Кто из них возвращается домой, где их ждут, а кто едет к таким вот блондинкам с розовыми ногтями?

Слезы всё-таки прорываются. Злые, горячие. Жгут глаза. За что? Почему я? Я же все делала правильно. Работала, не выносила мозг, готовила эти чертовы ужины. Я была скучной? Старой?

Или дело вообще не во мне, а он просто кусок дерьма?

Вдавливаю педаль газа. Не знаю. Ничего больше не знаю.

Глава 3.

Палец висит над кнопкой звонка. Желудок скручивает так, что к горлу подкатывает желчь. Перед глазами на повторе крутится одна и та же картинка: белые волосы, разметавшиеся по моей подушке, и чужие руки на потной спине моего мужа.

Сглатываю вязкую слюну. Давлю на кнопку. За дверью раздается дурацкая трель Вивальди. Катя недавно поставила, хвасталась. Сейчас эта классика бесит до зубного скрежета.

Дверь распаивается. Катка в растянутой футболке, на лице зеленая корка — маска из авокадо.

— Твою ж мать, — она замирает, вцепившись в ручку двери. — Ты выглядишь так, будто кого-то расчленила.

— Почти, — хриплю, протискиваясь мимо нее в коридор.

— Раздевайся. Иди на кухню.

Стягиваю пальто. Меня бьет крупная дрожь. Оттуда, из кухни, тянет корицей и ванилью. Катка опять стресс заедает выпечкой. Захожу, падаю на стул. На столе сверкает хромом новая кофемашина — подарок ее мужа на годовщину. Нормальные мужики дарят технику. Мой дарит мне рога.

Катя влетает следом, на ходу стирая влажной салфеткой зеленую жижу с лица.

— Ромашка? Мята? — она тянется к шкафчику с чаем.

— Кать. Оставь сено в покое, — смотрю на свои трясущи-

еся руки. — Доставай тяжелую артиллерию.

Она замирает с коробкой в руках. Внимательно сканирует мое лицо. Молча бросает чай на стол, лезет на верхнюю полку. Достает пузатую бутылку коньяка. Ставит две рюмки.

— Говори.

— Я приехала пораньше. С креветками и вином. Сюрприз хотела сделать.

— И?

— И застала Андрея в нашей постели. Он ее трахал. Девочку какую-то, — выдыхаю, заканчивая фразу. — Лет двадцать. С розовыми ногтями и в розовых же стрингах. Прямо на наших серых простынях.

Крышка от коньяка со стуком выпадает из Каткиных рук и катится под стол. Она даже не пытается ее поднять. Смотрит на меня так, будто у меня на лбу вырос третий глаз.

— Да ладно, — шепчет она. — Андрей? Твой Андрей?!

— Мой.

Катя молча наливает коньяк по самые края. Двигает рюмку ко мне.

— Пей.

Залпом опрокидываю обжигающую жидкость. Горло перехватывает, на глаза наворачиваются слезы, но внутри становится чуть теплее. Огненный ком падает в пустой желудок. Катя выпивает свою порцию, морщится и тяжело садится напротив.

— Твою мать, Алис... Я просто поверить не могу. Он же

всегда на тебя так смотрел... Пылинки сдувал.

— Это было в прошлой жизни, Кать. В этой он сдувает пылинки с чужих сисек.

Меня накрывает нервный смешок, переходящий во всхлип. Адреналин, который держал меня на ногах от самой квартиры, начинает отпускать. Меня колотит так, что зубы стучат о край пустой рюмки.

Катя вскакивает, обходит стол и обнимает меня за плечи. Прижимает к себе. Пахнет детским кремом и почему-то жареным луком. Уютно. Безопасно.

И тут меня прорывает. Я реву в голос, уткнувшись в ее растянутую футболку. Выплакиваю все: ледяной ветер на парковке, эти гребаные цифры в таблицах, его стеклянный утренний взгляд и этот тошнотворный сладкий запах чужих духов в моей спальне.

— Поплачь, девочка моя, поплачь, — бормочет Катя, гладя меня по волосам. — Вот же ублюдок. Конченный, мразотный ублюдок. Я ему яйца оторву. Я ему эту бутылку, которую ты купила, в задницу засуну.

— Я ее разбила, — всхлипываю. — В прихожей. Всю затирку уделала. У меня колготки в вине.

Только сейчас замечаю темно-красные брызги на своих ногах. Выглядит так, будто я реально кого-то зарезала.

— Да хрен с ней, с затиркой! — Катя отстраняется, заглядывает мне в глаза. — Ты сама как? Что он сказал?

— Сказал, что я не так все поняла. Классика жанра. —

Я вытираю лицо тыльной стороной ладони. Тушь, наверное, размазалась до самого подбородка. — Знаешь, что самое обидное? Я же чувствовала. Видела, что он телефон прячет, что задерживается. Но я думала, это кризис в отношениях! Усталость! Я, идиотка, хотела сюрприз сделать. Пасту собиралась готовить.

— Алис, послушай меня, — Катя берет мое лицо в ладони, ее голос становится жестким. — Не смей. Слышишь? Даже не смей искать причину в себе. Ты охеренная. Ты умная, красивая. А он просто трусливый мудака, который захотел свежего мяса и не нашел яиц признаться, что брак зашел в тупик.

Мой телефон, брошенный на стол, начинает вибрировать. На экране высвечивается: «Муж».

Мы обе смотрим на светящийся прямоугольник, как на ядовитую змею.

— Ответишь? — тихо спрашивает Катя.

— Нет. Мне не о чем с ним говорить.

Сбрасываю вызов и нажимаю «Блокировать». Потом захожу в Телеграм, WhatsApp. Блок. Блок. Блок. Рука даже не дрогнула.

— Правильно, — кивает Катя. — Пусть помаринуется в собственном дерьме. Иди в душ. Смой с себя этот офис и это вино. Я дам тебе чистую футболку и постелю в гостиной. Серега сегодня в ночную смену, так что квартира в нашем распоряжении.

Горячая вода бьет по плечам, смывая остатки сил. Я стою под душем, прислонившись лбом к прохладному кафелю, и смотрю, как вода утекает в слив. Туда же утекает три года моей жизни.

Три года иллюзий. Совместных планов, ипотеки, поездок, попыток завести собаку, разговоров о детях, которых мы так и не успели родить. Слава богу, что не успели.

Выхожу из ванной в Каткиной пушистой пижаме. На столике у дивана меня ждет чашка ромашкового чая — Катя все-таки заварила свое «сено». Сама она тактично ушла в спальню, оставив включенным только торшер.

Падаю на диван. Чужой запах белья. Чужая квартира. Чужая жизнь.

За окном гудит ночной город. Мимо проезжает скорая с сиреной.

Я закрываю глаза, ожидая, что сейчас навалится невыносимая боль, что я начну задыхаться от тоски по нему. Но внутри пусто. Вакуум.

Но в этой пустоте, где-то на самом дне, пробивается странное, пугающее чувство.

Мне больше не нужно вставать в 6:30, чтобы варить идеальный кофе. Не нужно симулировать идеальный брак перед подругами. Не нужно оправдываться за то, что я устала.

Картинка разбита вдребезги. И, кажется, впервые за долгое время мне стало легче дышать.

Глава 4.

Будильник въедается в мозг вибрирующим сверлом.

С трудом разлепляю веки. 6:30. Голову стягивает свинцовым обручем, во рту привкус старой меди. Вчерашний коньяк у Катьки. Точно. Мы выпили почти целую бутылку.

Переворачиваюсь на спину и замираю.

Рядом сопит Андрей. Закинул руку за голову, одеяло сбилось на бедрах.

Стоп. Какого хрена?

Моргаю до рези в глазах. Серые шторы, шкаф-купе, моя половина кровати. Я же была у Кати. Я отчетливо помню ее дурацкие желтые занавески, запах жареного лука на кухне и свои рыдания в чужую футболку. Помню разбитую бутылку в прихожей. Блондинку на этих самых простынях.

Стягиваю с себя одеяло, стараясь не дышать. Босые ступни обжигает ледяной ламинат. В голове густой, липкий туман. Приснилось? От переутомления? Я просто отключилась вечером, и мозг выдал мне этот тошнотворный триллер про измену?

В ванной бью по выключателю. Резкий свет режет сетчатку. Опираюсь руками о край раковины и впиваюсь взглядом в зеркало. Кожа бледная, под глазами залегли тени, но... глаза не опухшие. Никаких следов вчерашней истерики. На полке идеально выстроенные ряды моих кремов. Его бритва сле-

ва. Две щетки в стакане.

Включаю ледяную воду, плескаю в лицо. Раз, другой. Капли стекают по шее за ворот пижамы.

Грудь малолетки, которую он мял своими пальцами. Розовые стринги на полу. Осколки темного стекла в луже вина.

Этого не было. Просто физически не могло быть.

Выдавливаю тональник на спонж. Пальцы мелко трясутся. Мажусь на автомате, расчесываю волосы, едва не выдирая клоки. Бред. Обычный перегруз психики. Выгорела.

На кухне рука сама тянется к кофемолке. Пальцы замирают в миллиметре от кнопки. Вчера я стояла точно так же. В той же позе. Жму на пластик. Резкий треск перемалываемых зерен перекрывает шум воды из ванной.

Достаю яйца, молоко. Взбиваю венчиком. Мышечная память работает без сбоев.

Шаги по коридору. Он появляется в дверях — влажные волосы, белая рубашка, галстук небрежно перекинут. В груди что-то обрывается и летит вниз. Картинка совпадает до пикселя. Точь-в-точь как в том больном сне.

— Утро, — бросает он экрану айфона, плюхаясь на стул.

Ставлю перед ним горячую тарелку.

— Спасибо.

Продолжает скроллить ленту. Вилка механически цепляет оmlет. Хочется схватить его за плечи, потрянуть так, чтобы телефон вылетел из рук. Эй! Я здесь. Посмотри на меня, черт возьми.

— Андрей... — размешиваю сахар, глядя в черную воронку кофе. — Может, вечером выберемся куда-нибудь? Посидим вдвоем. А то мы как соседи по коммуналке последнее время.

Он морщится. Наконец-то отрывает взгляд от экрана.

— Алис, давай не сегодня. У меня встреча с заказчиком вечером. Просижу до ночи.

К горлу подкатывает кислая тошнота.

— Ты бледная какая-то. Не заболела? — хмурится он.

— Да мутит просто, — резко отодвигаю стул. Если сейчас не умоюсь ледяной водой, реально вывернет прямо на стол.

Запираюсь в ванной. Вцепляюсь пальцами в края раковины. Вдох-выдох. Это просто совпадение. Дежавю. Игры переутомленного мозга. Я не схожу с ума.

Телефон в кармане коротко вибрирует. Напоминание в календаре: "Презентация. Клиент". Та самая встреча, которая вчера... Стоп. Не было никакого вчера.

Выхожу в коридор. Андрей уже натягивает ботинки. Привычным жестом поправляет узел галстука перед зеркалом. Раз. Два.

— Я тоже поздно буду, — говорю деревянным голосом. — Эта дурацкая презентация. Клиент мозг выест.

— Ага. Давай, удачи.

Дверь хлопает. Тишина бьет по барабанным перепонкам. Медленно сползаю по стене, прижимаясь затылком к обоям. Какого хрена происходит?

До офиса доезжаю на автопилоте. Пальцы впиваются в руль так, что костяшки белеют. На перекрестке проскакиваю на мигающий желтый, тормоза визжат, сзади кто-то истерично сигналиит. В груди колотится глухой пульс. Я даже не помню, как выехала со двора.

Парковка забита. Трижды пытаюсь втиснуть Мазду между огромным Лексусом и какой-то развалюхой, пока не глушу мотор. Руки трясутся.

— Алиса Сергеевна, паркануть помочь? — кричит Петрович от шлагбаума.

— Сама, спасибо! — машу рукой, хотя хочется послать все к черту и расплакаться прямо здесь.

В лифте прислоняюсь лбом к зеркалу. Холодное. Отрезвляет. Это просто нервы. Выпью кофе, закопаюсь в эксель, и отпустит.

Пялюсь в таблицу уже не знаю сколько. Цифры прыгают перед глазами.

— Алиса!

Вздрагиваю так, что колено бьется о стол. Рядом стоит Марина. Две бумажные чашки в руках.

— Ты вообще тут? Минуту над тобой стою.

— Извини. Задумалась.

Она ставит кофе, присаживается на край моего стола. Сканирует мое лицо.

— Видок у тебя... С Андреем поссорились?

При его имени желудок снова скручивает спазмом.

— Нет. Все нормально.

— Я тебе писала. Ты видимо не видела. Короче, отбой. Их финдир застрял в Пулково. Встречу перенесли на завтра. Так что можешь...

Картонный стаканчик выскальзывает из моих пальцев. Горячий американо брызгает на стол, заливая распечатанные сметы.

— Твою ж..! — Марина отскакивает. — Ты чего творишь? Точно нормально все?

Почему все повторяется?

— Прости, — хватаю бумажные полотенца, лихорадочно вытирая лужу. — Руки дырявые. Я сегодня сама не своя.

— Знаешь что, — она отбирает у меня мокрые салфетки. — Иди домой. Ты зеленая вся. Такси вызвать?

— Сама доеду.

Паркуюсь у «Азбуки Вкуса». Сажусь в салоне, не заглушая двигатель. Вчера я пошла туда. Купила вино. Его любимое Primitivo. Оно разбилось в прихожей, и красные брызги полетели на мои колготки.

В винном отделе холодно. Стою перед стеллажом с Италией. Вот оно. Тяжелая бутылка из темного стекла, золотистая этикетка. Беру ее за горлышко. Стекло холодит ладонь, и это ощущение знакомо до тошноты.

— Подсказать что-нибудь? У нас сегодня скидки на Тоскану.

Консультант возникает из ниоткуда со своей пластиковой

улыбкой.

Резко впихиваю бутылку обратно на полку.

— Нет.

Разворачиваюсь и почти бегу к выходу. Дышать. Нужно просто дышать.

Дома пусто. Тикают часы на кухне. Разуваюсь и замираю. На коврике стоят его оксфорды. Те самые, в которых он ушел утром. На крючке висит пиджак.

— Андрей? — зову хрипло.

Молчание. Заглядываю в спальню — кровать застелена, никого. В ванной в нос бьет запах его геля для душа. Полотенце на змеевике влажное. Значит, он заезжал. Переоделся.

Резкая трель звонка бьет по натянутым нервам. Подпрыгиваю.

Открываю дверь. На пороге топчется щуплый курьер. В руках — огромный, безвкусный веник из красных роз. Пахнет удушливо сладко.

— Алиса Сергеевна? Распишитесь вот тут.

Черкаю ручкой по бланку. Забираю цветы. Из густых бутонов на пол выпадает маленький белый конверт.

Поднимаю дрожащими пальцами. Вскрываю. Знакомый почерк, немного неровный: *"Прости за мои заскоки в последнее время. Безумно люблю тебя. Твой Андрей."*

Букет выскальзывает из рук. Толстые стебли с глухим стуком падают на ламинат. Шипы скрежещут по полу. Лепестки отрываются и разлетаются красными пятнами.

Глава 5.

Красные бутоны валяются у моих ног. Тридцать одна штука. Я пересчитала машинально, взглядом.

Опускаюсь на корточки, тянусь за толстым стеблем. Острый шип вспарывает кожу на указательном пальце.

— Ай...

Засовываю палец в рот. Привкус железа отрезвляет. Значит, я не сплю. Боль настоящая. Цветы настоящие. Записка с его «люблю» — тоже.

Достаю из кармана мобильник. Набираю Андрея. Гудки тянутся бесконечно, а потом сбрасываются. Автоответчик. Ну да, у него же «проект горит».

Вбиваю номер офиса.

— Приемная, Лена, слушаю, — щебечет трубка.

— Лена, где Андрей Викторович?

— Алиса Сергеевна? А он на выезде. Переговоры с партнерами.

— Адрес.

— Бизнес-центр «Аврора», на Садовой. Но он просил не...

Сбрасываю вызов.

«Аврора». Хватаю сумку с тумбочки, даже не застегивая пальто. Внутри нет ни истерики, ни слез. Только холодная, расчетливая необходимость увидеть все своими глазами. Убедиться, что я не поехала кукухой.

На ресепшнере — идеальная кукла в корпоративном платке.

— Андрей Голяков. Переговорная, — чеканю, подходя к стойке.

Она стучит по клавиатуре идеальными ногтями.

— Пятый этаж. Вас анонсировать?

— Я сюрприз.

Иду к лифтам. В зеркальных створках отражается растрепанная тетка с диким взглядом. Отлично. То, что нужно для сюрприза.

Пятый этаж встречает глухой тишиной. Толстый ковролин сжирает звук моих шагов. Прохожу мимо пустой переговорки. Одинокая чашка с засохшей кофейной пенкой. Иду дальше по коридору.

И тут слышу.

Короткий, вибрирующий женский смешок. И его низкий, грудной голос в ответ.

Желудок сжимается в тугой узел. Ноги становятся чугунными, но я заставляю себя сделать еще три шага до углового кабинета. Дверь приоткрыта на ладонь. Самоуверенный кретин.

Толкаю стеклянное полотно.

Кожаный диван. Она сидит на самом краю. Светлые волосы рассыпаны по плечам, блузка расстегнута до пупка. Андрей нависает над ней, его руки жадно мнут ее талию. Лица слиты воедино. Слышен влажный звук поцелуя.

— Отличные переговоры. Контракт уже подписали, или еще в процессе?

Они отшатываются друг от друга. Девчонка коротко вскрикивает, судорожно натягивая края блузки на грудь. Андрей резко разворачивается. Его лицо за секунду меняет цвет с бордового на меловой.

— Алиса? — он суетливо заправляет выбившуюся рубашку в брюки. — Ты... ты что тут делаешь? Ты следишь за мной?!

Это просто феноменально. Я ловлю его с языком в чужой глотке, а он включает режим следователя.

— Оцениваю твою востребованность на рынке труда, — говорю ровно. Опираюсь плечом о косяк. — Вижу, квалификация растет. На малолеток перешел.

— Я сейчас все объясню.

— Да что ты? Покажешь презентацию в PowerPoint? Или расскажешь, как ее губы помогают снимать стресс от тяжелого брака?

Девчонка на диване вжимается в спинку, таращась на меня огромными испуганными глазами.

— Алиса, прекрати устраивать сцены! Ты не так все...

— Заткнись, — обрываю его. — Просто закрой свой лживый рот. Оставь свои оправдания для нее.

Резко разворачиваюсь и иду к лифтам. Слышу быстрые шаги позади. Он догоняет меня у самых дверей, хватая за предплечье.

Меня передергивает от омерзения. Дергаю руку так сильно, что он отступает на шаг.

— Не прикасайся ко мне.

Двери лифта разъезжаются. Я шагаю внутрь.

— Алис, подожди! Давай поговорим дома, спокойно...

— Мне не о чем с тобой говорить.

Жму кнопку первого этажа. Двери смыкаются, отсекая его растерянное лицо.

На улице начинается дождь. Холодные капли бьют по лицу, смешиваясь с размазанной тушью. Телефон в кармане начинает вибрировать не переставая. Достаяю. Экран забит уведомлениями. Десять пропущенных. Сообщения в телегу летят пулеметной очередью.

*«Алиса, это просто глупость» «Она ничего не значит»
«Давай поговорим нормально» «Возьми трубку, умоляю»*

Свайп. Удалить диалог. Блок.

Заруливаю в первую попавшуюся кофейню. Падаю за столик у окна. Официант что-то спрашивает, я просто киваю. Приносят чай. В отражении темного стекла вижу себя — мокрые пряди прилипли к щекам, под глазами черные разводы. Вытираю лицо жесткой бумажной салфеткой. Кожа горит.

За окном темнеет. Огни машин размазываются по мокрому асфальту красными и белыми полосами. Домой я не поеду. Эта квартира больше не моя. Там его вещи, его запах, его гребаные розы на полу.

Выхожу под дождь. Иду куда-то в сторону проспекта. Впереди светится неоновая вывеска какого-то сетевого отеля.

Подхожу к стойке регистрации.

— Стандартный номер. На одну ночь.

— Ваш паспорт, пожалуйста. Завтрак включен в стоимость, с семи до десяти утра.

Забираю пластиковый ключ. Четвертый этаж. Огромная кровать, стул, плазма на стене. На тумбочке рекламный буклет: «Ваш дом вдали от дома».

Стягиваю мокрое пальто, бросаю его прямо на пол. Туда же летит платье. Заворачиваюсь в жесткий, накрахмаленный халат из шкафа.

Падаю на кровать поверх покрывала.

Слез нет. Истерики нет. Внутри просто образовалась пустота. Вакуум. Я смотрю в потолок. Прямо над датчиком дыма идет мелкая сетка трещин в штукатурке. Начинаю их считать. Считаю, пока зрение не расфокусируется, и темнота не проглатывает меня целиком.

Глава 6.

Вибрация телефона вгрызается в мозг. Резко распахиваю глаза. Темнота. Смятая простыня. Запах кондиционера для белья и знакомого мужского парфюма. Экран бьет по сетчатке: 6:30. Сжимаю телефон так, что пластик хрустит.

Третий раз. Третье гребаное утро, которое начинается с этой цифры.

Рядом ровно и глубоко дышит Андрей. Безмятежный. Уставший от трудов праведных. Хочется взять подушку и давить ему на лицо, пока он не перестанет так спокойно сопеть. Тихо скатываюсь с матраса. Босые ступни обжигает ледяной ламинат. В ванной даже не включаю свет. Поворачиваю вентиль с холодной водой до упора и шагаю под струи. Дыхание перехватывает. Кожу стягивает ледяным панцирем. Стою, пока зубы не начинают выбивать дробь. Может, если заморозить себя до состояния куска мяса, этот сбой в матрице исчезнет? Ни хрена он не исчезает.

Растираюсь полотенцем, глядя в зеркало над раковиной. Серая кожа, острые скулы, синяки такие, будто меня били ногами. Я выгляжу как труп. Труп, который зачем-то ходит на работу и варит по утрам кофе. Замазываю консилером эти провалы под глазами. Пальцы мелко дрожат.

На кухне хватаю банку с зернами. Включаю кофемолку. Жму на кнопку и не отпускаю. Резкий, оглушительный треск

рвет тишину квартиры. Пусть у него тоже болит голова.

Шум воды в трубах. Шаги по коридору. Входит. Влажные волосы зачесаны назад, рубашка еще не застегнута до конца.

— Утро, — морщится, потирая шею. — Чего так шумишь с утра пораньше?

Замираю с ложкой над туркой.

— Захотелось, — говорю ровно.

Засыпаю кофе в воду. Он подходит сзади. Его горячие ладони ложатся мне на плечи. Дыхание касается шеи. Меня накрывает тошнотой. Рефлекторно дергаю плечом, сбрасывая его руки. Эти самые руки, которые через пару часов будут мять чужую двадцатилетнюю задницу.

— Эй, ты чего? — он хмурится, обходя меня, и опирается бедром о столешницу. — Дерганая какая-то. Не выпалась?

— Выпалась.

Разбиваю яйца в миску. Одно мимо — желток растекается по столешнице вязкой лужей. Черт. Смахиваю это месиво тряпкой.

— Алис, серьезно. Что за психи? — он складывает руки на груди. В голосе появляются нотки снисходительного раздражения. — У тебя ПМС или на работе опять проблемы?

Вон оно что. ПМС. Универсальное объяснение для любого женского недовольства.

— У меня все идеально, Андрей, — бросаю тряпку в раковину. Поворачиваюсь к нему вплотную. Смотрю прямо в эти честные карие глаза. — А у тебя? Ничего не хочешь мне

сказать?

Он выдерживает взгляд. Ни один мускул не дрогнул.

— Например?

— Например, куда ты сегодня собираешься.

— Я? — усмехается. Достает телефон из кармана брюк, тут же утыкаясь в экран. — В офис, потом встреча с заказчиком. Горит проект, сама знаешь.

Сводит челюсть.

— Горит, значит. Сильно горит?

Он отрывается от экрана. Смотрит на меня так, словно прикидывает, не пора ли вызывать санитаров.

— Алиса, тебя к врачу записать? Ты несешь какой-то бред с самого утра. У меня тяжелый день впереди. Мне сейчас твои загадки вообще ни к чему.

— Поклянись.

— Что? — он реально опешил.

— Поклянись, что едешь на встречу по работе. Глядя мне в глаза.

Пауза. Всего на секунду, но я ее ловлю.

— Ты совсем рехнулась, — он резко отталкивается от столешницы. Хватает пиджак со спинки стула. — Знаешь что? Ешь свой омлет сама. У меня нет времени на этот театр.

Хлопок входной двери. Сползаю по кухонному гарнитуру вниз, прямо на холодную плитку. Прижимаю колени к груди. Внутри всё скручивает ледяным узлом. Он не просто изменяет. Он делает из меня сумасшедшую. Возможно я и реаль-

но свихнулась, иначе все это не объяснить.

Дорога до офиса стирается из памяти. Пальцы намертво вцепились в руль, костяшки побелели.

Пялюсь в монитор. Строчки в экселе сливаются в серую кашу. Нужно работать. Нужно заставить мозг цепляться за цифры, формулы, графики. Иначе я просто встану и выйду в окно прямо здесь, с пятнадцатого этажа.

Сзади хлопает дверь стеклянной перегородки.

— Алиса.

Марина. Стоит надо мной с планшетом, хмурится.

— Встречу перенесли на завтра. Заказчики застряли Пулково. Можешь сворачиваться.

Вскакиваю так резко, что бедром со всего маху влетаю в острый угол стола. В глазах вспыхивают белые искры. От боли перехватывает дыхание.

— Зараза...

— Осторожнее, — Марина отшатывается. — Ты чего дерганая такая? Нормально все?

— Идеально. Спасибо, Марин. Я поехала.

Сметаю ноут в сумку. Не застегивая пальто, вылетаю в коридор. В лифте достаю телефон. Руки трясутся так, что не с первого раза попадаю по экрану. Вбиваю номер приемной его компании.

— Слушаю, — щебечет секретарша. — Соедини с Голяковым. Срочно. Это жена.

— Ой, Алиса Сергеевна... А Андрея Викторовича нет. У

него выездная встреча.

— Где?

— В «Метрополе».

Сбрасываю вызов. «Метрополь». Значит, теперь там.

Мазда ревет, вырываясь с подземной парковки. В голове бьется одна тупая, мазохистская мысль: я должна увидеть это снова. Должна ткнуть себя мордой в эту грязь, чтобы доказать себе, что я не поехала кукухой.

Торможу прямо у стеклянных дверей отеля, бросаю машину вкривь и вкось. Мраморный холл глушит звуки шагов. За стойкой — вылизанная девица с бейджиком «Анна». Дежурная улыбка, идеальная осанка.

— Номер Голякова Андрея, — чеканю, подходя вплотную к стойке.

Улыбка становится пластиковой.

— Простите, мы не разглашаем информацию о наших гостях...

— Слушай меня внимательно, Аня, — наклоняюсь над стойкой. Голос тихий, но внутри меня сейчас ядерный реактор. — Я его жена. И если ты сейчас не назовешь мне номер, я устрою здесь такой скандал, что охрана будет выводить меня за волосы. А кто-то обязательно снимет это на телефон. Тебе нужен вирусный ролик про бордель в «Метрополе» в твою смену?

Девица сглатывает. Пластик с лица осыпается. Она быстро щелкает мышкой, бросая нервный взгляд на охранника у

входа.

— Четыреста двенадцатый.

Даже не кивнув, разворачиваюсь к лифтам.

Четвертый этаж. 408... 410... 412. Останавливаюсь. Сердце колотится где-то в горле, мешая дышать. Достāju телефон, набираю его номер. Жму на вызов и прикладываю ухо к тяжелому дереву двери. Сквозь щель доносится приглушенная трель. Разрывается. Замолкает — сбросил. Колочу кулаком в дверь. Раз, второй. Костяшкам больно.

— Открывай, Андрей! Я знаю, что ты там!

Шорох. Тихие голоса. Щелчок замка. Дверь приоткрывается на жалкие десять сантиметров. В проеме — лицо Андрея. Волосы взлохмачены, рубашка накинута на голые плечи, пуговицы расстегнуты. Глаза безумные, как у загнанной крысы.

— Алиса?! Ты... ты как тут...

Толкаю дверь обеими руками со всей дури. Он не удерживает равновесие, отшатывается назад.

Врываюсь внутрь. Спертый воздух. Запах его одеколона, пота и сладких, тошнотворных женских духов. На огромной кровати, судорожно натягивая на грудь белоснежную отельную простыню, сидит она. Блондинка. Светлые патлы спутаны. На тонкой шее, прямо над ключицей — свежий багровый засос.

Глава 7.

Андрей делает шаг ко мне. Выставляет руки вперед ладонями наружу, словно пытается успокоить буйную пациентку.

— Алис, выйди. Выйди в коридор, я сейчас оденусь, и мы поговорим.

В коридор? Серьезно?

— Чтобы ты успел придумать историю про внезапный приступ простатита, который лечится только массажем от несовершеннолетних? — прохожу мимо него.

Делаю еще два шага к кровати.

Блондинка вжимается в изголовье, подтягивая белую ткань до самого подбородка. Пальцы с ярко-розовым маникюром вцепились в простыню так, что костяшки побелели.

— Как зовут-то этот ценный кадр? — спрашиваю, не отрывая взгляда от ее перепуганного лица. — Паспорт хоть на входе проверил, или на слово поверил, что школу закончила?

Девчонка всхлипывает.

Андрей вклинивается между нами. Загораживает ее своей широкой спиной. Хватает меня за плечи и грубо толкает назад.

— Она тут вообще ни при чем!

Ни при чем? Серьезно?

Смех вырывается из горла резким, лающим звуком.

— Ни при чем?! — сбрасываю его руки. — Да ты просто рыцарь, Андрюша! Грудью защищаешь сиротку от злой жены. Какая же ты жалкая, трусливая мразь.

Бью его кулаком в грудь. Твердо. Еще раз. Он перехватывает мои запястья. Пальцы влажные, горячие. Сжимает так, что кости хрустят.

— Хватит, Алиса! Ты как...

Он осекается, но я знаю, что хотел сказать. Как истеричка. Бью его снова, куда попаду.

— Да я этот день уже третий раз живу! Третий, черт возьми, раз! Я каждое утро варю тебе кофе! Слушаю твое ублюдское вранье про встречи! И каждый раз еду ловить тебя с этой малолетней подстилкой! Я в гребаной петле из-за тебя!

Слова вылетают быстрее, чем я успеваю их осмыслить.

Андрей замирает. Хватка ослабевает. Он смотрит на меня, тяжело дыша. И в его глазах я вижу не вину. Я вижу животный страх и жалость.

— Ты больная, — выдыхает, отступая на шаг. — Алис, тебе реально надо лечиться. Ты совсем кукухой поехала.

— Я тебя ненавижу, — говорю тихо. Голос сухой, как песок. — Не подходи ко мне. Никогда.

Разворачиваюсь и иду к двери. Спина прямая, хотя хочется согнуться пополам и выплевывать этот день.

Глава 8.

Стеклянные двери отеля разъезжаются. Октябрьский ливень бьет наотмашь. Блузка моментально прилипает к телу, ледяная вода течет за шиворот пальто. Плеватель. Застегиваться нет сил. Пусть смоем эту грязь. Пусть хоть немного остудит голову.

Иду вперед, не разбирая дороги. Лужи чавкают под подошвами туфель. Резкий толчок. Врезаюсь во что-то твердое, как бетонный столб. Отлетаю назад, каблук подворачивается.

— Осторожнее. Убьетесь же.

Крепкие пальцы перехватывают меня за предплечье, рывком возвращая равновесие. Поднимаю взгляд. Мужчина. Высокий, в темном драповом пальто, на которое оседает водная пыль. Лицо спокойное, черты резкие. Смотрит на меня сверху вниз, сканируя. Без брезгливости, без насмешки.

— Пустите, — дергаю рукой. Он разжимает пальцы.

— Вас кто-то преследует? Выглядите так, будто убегаете от маньяка.

— Ага. От собственной жизни.

Сглатываю дождевую воду пополам со слезами. Сейчас точно завою прямо тут, посреди тротуара. Нижняя челюсть начинает мелко дрожать.

Он окидывает взглядом моё насквозь мокрое пальто, дро-

жащие плечи и размазанное лицо.

— Значит так. Маньяков тут нет, а вот пневмония — вполне реальна, — он кивает на светящуюся вывеску через дорогу. — Идем. На вас смотреть холодно.

Почему я иду за ним? Черт его знает. Воли нет. Тело просто двигается за источником тепла и спокойствия.

В кофейне душно. Пахнет корицей и пережженными зернами. Мужчина уверенно ведет меня в самый дальний угол, скрытый кадками с какими-то пальмами. Сажает на мягкий диван.

— Сидите.

Уходит к стойке. Возвращается через пару минут. Ставит передо мной огромную кружку с чем-то горячим и кладет стопку салфеток.

— Вытирайте лицо. А то бариста уже тянется к тревожной кнопке.

Хватаю салфетку, тру щеки. Бумага мгновенно становится грязно-черной. Обхватываю кружку обеими ладонями. Чай. С чабрецом. Пальцы трясутся так, что фарфор отбивает чечетку по блюдцу. Горячие капли выплескиваются на столешницу. Черт, да успокойся ты уже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.